

ВЕНЕЦИАНСКОЕ

В Серебряном веке, коротком и ярком,
поэты любили в Венецию ездить
и с чашечкой кофе сидеть на Сан Марко
и в небе полуночном трогать созвездья.

Венеция рядом с времён Сансовино:
крылатые львы и певцы-гондольеры.
Поэты пируют, поэты пьют вина,
поэтов ещё не ведут на галеры.

И Блоку покуда не снятся двенадцать,
и пуля не скоро убьёт Гумилёва.
Поэты ещё не отвыкли смеяться
и верят в могущество вещего слова.

Не пахнет войной голубая лагуна,
собор византийский с квадригой прекрасен,
ещё не задернули занавес гунны
и хмель венецийский ещё не опасен.

И можно до слёз любоваться Джорджоне
и долго бродить по Палаццо Дукале,
стихи посвящать беглым ветреным жёнам,
катать их в гондолах, купать в Гранд-Канале...

Поэты в Венеции пьют на пьядетте,
война мировая вдали, как цунами.
Запомните лица их в огненном цвете!
Всё кончится с ними. Всё кончено с нами.

НОЧЬ

Ночь морозная, грузная, грозная,
полусны пограничные розданы,
догорает окурок в ночи,
заговаривай боль, не молчи...

Предают, привирают предания,
до свиданья, двойник, до свидания,
нет уже ни воды, ни вина,
я на ведьмином спуске одна...

На краю, на ветру, на ристалище,
в ритуальном прокуренном залище
херувимы хреново поют
про любовь, про последний приют...

Гарь такая, что рвется дыхание
от убийственного полыхания,
никого не обнять, не спасти,
лишь зола золотая в горсти...

Не ищи меня в римах, лютециях
и в оврагах да прагах, венециях –

я уже далеко от земли,
огонёк дотлевают вдали...

Дряхлый мир, на крови обустроенный,
обветшавший до дыр, грубо скроенный;
беспробудно ваятель был пьян,
налепив, как блины, поселян...

Мы теряем, теряем, теряемся –
и уходим и не возвращаемся...
Равнодушно глядит Он с высот
на погромный программный исход...

ЛУНА И ГРОШ

Мы родились в двадцатом веке,
совки, поэточеловеки,
и пьём, не чокаясь, до дна
за участь, что на всех – одна...

Эпоха нас не закалила,
кровь ближних не опохмелила,
стоим на ледяном ветру
у края в чёрную дыру...

Повремени ещё, мгновенье,
покуда догорят поленья
всех наших помыслов и слов,
летучих золотых ослов...

Куда нас молодость водила,
каким залётным был водила!
Кто ляжет рядом – тот хорош,
вся наша жизнь – луна и грош...

Свеча горела, до упаду
плясали мы свою ламбаду
и гибли в долбаном бою
за рифму – родину свою...

В конце времён мы дали слово,
что сочиним многоголовый
молитвоблуд – наш пропуск в рай.
Пётр, кого хочешь, выбирай...

НА КРАЮ

Сирота – вот и найдено слово,
сирота среди мира пустого,
позади – разноцветный обман,
впереди – только чёрный туман...

На краю провороненной жизни,
в эпицентре бродячей отчизны
сердце реже и глуше стучит,
дней, часов не осталось почти...

Я тебя никогда не забуду...
и никто не увидит оттуда,
как моя погорелая жизнь
на промерзшей дороге лежит...

И не встать, и не выразить боли
в неприютной сиротской юдоли,
не нащупать у пропасти дна...
пей до дна... жизнь одна... смерть одна...

Я– невидимый призрак, когда-то
сочинявший плохие баллады
о безмерной бессмертной любви
на ветру... на краю... на крови...

Я неслась по болотистым кочкам,
чья-то жёнка, любовница, дочка,
и летела сквозь небо звезда
в никогда, никому, никуда...

Последнее пристанище – стихи:
приют, надежда, гибель, воскресенье,

отмоленные, наконец, грехи
и чьё-то безымянное спасенье...

Я – каторжник, я – полупроводник,
такая вот сизифова работа:
услышать звон и записать в дневник
потерянные разумом частоты...

В такую ночь ты с Богом визави
и тет-а-тет передаешь молитвы –
и храмы вырастают на крови,
и перемирье дольше длится в битвах...

И можно, наконец, уже уснуть
и видеть сны, по-гамлетовски, в лицах,
и все долги, и всю вину вернуть,
и вовремя с ушедшими проститься...

Почто живу и что такое жизнь,
кого люблю, когда уж нет любимых?
Какие на рассвете миражи
неузнанные проплывают мимо?

Мне снится мама в ледяном гробу...
Нет, это я – и сон всё длится, длится...
Кому повем свою тоску-журбу?
Я просыпаюсь... иней на ресницах...